

ЭПИДЕМИЯ В ПАРИЖЕ И В ПРОВЕНЕ ВО ВРЕМЕНА ГЕНРИХА III

Вступительная статья, перевод и комментарии
П.Ю. Уварова

КЛОД АТОН РАССКАЗЫВАЕТ ОБ ЭПИДЕМИЯХ

Клод Атон, священник из Провена, города средней величины в Шампани, оставил пространный текст (1054 листа), в котором он стремился по возможности тщательно воспроизводить главные события в жизни страны в эпоху Религиозных войн. Родившийся около 1535 году в крестьянской семье, Атон был рукоположен в 1555 году, впоследствии стал клириком церкви Сент-Айуль в Провене и даже иногда замещал там кюре. Сохранившаяся часть пространной рукописи с некоторыми лакунами охватывает период от 1553 до 1582 годы, впрочем, и начало, и конец рукописи утрачены. В своих «Мемуарах» Атон отмечает небесные и иные знамения, погодные условия, цены на зерно и вино, рассказывает в основном о том, что случилось в Провене и в прилегающих землях в радиусе 30–35 км. Но иногда он описывает события в масштабах всего королевства, связанные прежде всего с королем и его двором, с Парижем (от которого Провен был удален на 90 км), с военными действиями и дипломатическими переговорами, но всегда поспешно возвращается в своем повествовании к провенскому краю.

Автор, не обремененный солидным образованием и не обладающий изяществом стиля, обращается, по его словам, к «простому человеку», и порой его пассажи напоминают проповедь. В предыдущей публикации фрагментов его «Мемуаров» я назвал его

«бытописателем французской смуты»¹. Думаю, что сам Клод Атон с этим не вполне согласился бы. Он не просто описывал события локальной жизни, но, как правило, старался дать событиям ригористическую оценку, видя в еретиках-кальвинистах и их приспешниках главных слуг Антихриста и виновников того, что гнев Божий изливается на землю карами, предсказанными «Откровением» Иоанна Богослова. Однако он далеко не всегда придерживается одной линии своего удивительно длинного повествования, он буквально «тонет» в массе подробностей, от которых не считает нужным отказываться. Идеологическая позиция не мешает ему давать удивительно плотное, насыщенное описание социальной жизни, что придает источнику особую ценность.

Работу облегчает наличие полного издания всего текста «Мемуаров», подготовленного под руководством Лорана Буркена большим коллективом авторов, в число которых вошли первоклассные специалисты по французскому XVI веку (среди них – Бернар Брабши, Дени Крузе, Жан Жакар, Николь Леметр). Перевод дан по этому изданию².

Вниманию читателей предложены два фрагмента, посвященные, по-видимому, двум волнам одной болезни – чумы, поразившей Францию в 1580–1583 годах.

¹ Уваров П.Ю. Клод Атон — бытописатель французской смуты: Загадка «простого человека» // Французское общество в эпоху культурного перелома: От Франциска I до Людовика XIV / Ред. П.Ю. Уваров, Е.Е. Бергер. (Западное средневековье в письменных памятниках. Приложение к журналу «Средние века». Вып. 3) М., 2008. С. 91–103.

² Memoires de Claude Haton (1553–1582) / Édition integrale sous la dir. de L. Bourquin. Paris, 2007. Т. 4. Р. 479–488.

Клод Атон рассказывает об эпидемиях.

Первый рассказ о событиях 1580 года более типичен для общего замысла автора «Мемуаров». Он вписан в привычные для него рамки повествования о последних днях, предвещающих Светопреставление. Упоминание о землетрясении становится зачином к рассказу о чуме как каре Господней. Но далее, в самом общем виде охарактеризовав положение в Париже, Атон переходит к подробному повествованию о событиях в Провене и его окрестностях, свидетелем и даже участником которых ему довелось стать. Он, как правило, не дает собственной оценки происходящего и не выносит личных этических оценок людям. Впрочем, о симпатиях автора нетрудно догадаться в силу эмоционального стиля изложения.

Через два года Атон, описывая эпидемию и борьбу с ней, уже не вспоминает об Антихристе и об эсхатологических ожиданиях. То, что эпидемия — кара за грехи всего рода человеческого, не вызывает сомнений у католического священника. Но это не мешает автору разрабатывать собственную «прикладную этиологию» ригористического характера. Чума поражает корыстолюбцев — именно они, ставя наживу выше интересов общины, и в апреле, и в августе занесли чуму в Провен. Все три умерших хирурга отличались алчностью: Пьер из Нанжи приехал в город в надежде заработать денег, Жан Николь вымогал деньги с больных и чуть было не попал за это под суд, Николя Дури долго торговался с местными властями в то время, когда смерть уже косила жителей, и не стеснялся брать большие деньги со своего друга Баранжона, которому действительной помощи он так и не смог оказать. Но в отличие от двух умерших коллег, Дури удостоился у Атона описания ужасающих язв, разверзшихся на его теле. Это и понятно — он ведь оказался не просто стяжателем, но еще и явным гугенотом (что для Атона было взаимосвязано), к тому

Казнь Господня...

же оскорбившим больного монаха. Ересь также является важнейшей для Атона причиной заболевания: кроме хирурга Дури пострадало все окружение Баранжона, недавнего еретика. Любопытно, что в 1580 году, описывая халатность или алчность двух хирургов, не обнаруживших признаков чумы на трупе Парижанки, Атон не воспользовался случаем и не вспомнил о том, что как минимум один из медиков – Николя Дури – был еретиком. Повествуя о смерти молодого цирюльника Тибо из Вильнокса, автор лишь приводит слухи о том, что смерть явилось расплатой за его прелюбодеяния, но никак не развивает этот сюжет. Только через два года автор «Мемуаров» начинает раскладывать пороки и добродетели «по полочкам».

Если для Атона нарушение христианских заповедей увеличивает риск заболевания, то истинные добродетели защищают лучше всяких лекарств. Молодой хирург Жак оказался спасен верностью христианскому долгу, доброжелательностью и веселым нравом, что принесло ему любовь всех горожан. Викарий Жером Сажо, оставшийся исповедовать и отпевать зачумленных в своем опустевшем приходе, был также спасен милосердием Божьим.

Но если бы Атон делил своих героев лишь на хороших и плохих, то его «Мемуары» не были бы столь завораживающим в своей достоверности источником. Целительница Марион Пелеве, по прозвищу Бекетьер (Кормилица), оказалась неподвластной болезни и имела богатый опыт ухода за больными. Город не захотел оплачивать ее услуг, и потому еще с позапрошлого года она оставалась в своем импровизированном чумном госпитале на хуторе Гарла. Вероятной причиной отказа городских властей от ее кандидатуры была дурная репутация: у нее не было имущества, она рассталась с

Клод Атон рассказывает об эпидемиях.

мужем, вдобавок ходили слухи, что молодой хирург, приставленный в 1580 году в Гарла лечить чумных больных, грешил с именно ней³. Но Атон явно впечатлен ее самоотверженностью и эффективностью ее лечения, ведь только в рассказе о ней он описывает конкретные методы врачевания. Похоже, он был искренне рад, что она обрела, наконец, достойное положение, статус и семейное счастье.

Но каковы бы ни были авторские намерения, материал, с которым он нас знакомит, дает богатую пищу для размышлений.

Вторая волна болезни оказалась смертоноснее первой, когда заболевшими оказывались в основном лишь люди, проживавшие под одной крышей. В 1582 году все было намного тяжелее. Случившееся в самом городе было тяжелым испытанием, но не катастрофой, в отличие от деревни Сетвей, где вымерло четыре пятых населения. 210 умерших жителей Провена составляли от двух до трех процентов жителей, если исходить из того, что число жителей города не превышало 10 тысяч человек⁴. Много это или мало? Во время нынешней эпидемии в Нью-Йорке, мегаполисе, наиболее пострадавшем от коронавируса, болезнь унесла в пропорциональном отношении в десять раз меньше жизней, чем чума в Провене. Атон не упоминает об общем числе заболевших, но из его текста следует, что какая-то часть инфицированных выживала: служанка в семействе Жигор, молодой доктор Жак, вдова советника Баранжона, отданная на попечение целительнице Бекетьер, и сукновал Шастеро, который не только был спасен заботами этой

³ Тогда, в 1580 г., она взяла в Гарла двух своих детей. Девятилетний сын умер от чумы, а шестилетняя дочь выжила.

⁴ Сейчас в городе, размеры которого несколько превышают границы средневекового периода, проживает 11,8 тысяч жителей.

же целительницы, но и, выздоровев, сочетался с ней браком.

Судя по упоминаниям населенных пунктов в «Мемуарах», очаги заражения первоначально расположились вдоль берегов Сены, лишь позже переместившись в Провен.

Клиническая картина болезни, пути распространения инфекции, летальность, некоторые принципы лечения – все это в той или иной степени представлено в предложенных отрывках. Не менее любопытен и социально-политический аспект болезни.

Для автора характерен нараставший критический настрой по отношению к властям. В последней части своего сочинения Атон все больше критикует Генриха III за его новые фискальные инициативы, за создание все новых должностей, ложившихся бременем на плечи народа, за расточительство, за нежелание искоренить еретиков раз и навсегда и даже за потворство им. Но на фоне эпидемии упоминания о короле вполне нейтральны в первом фрагменте и полностью отсутствуют во втором. Внимание автора переключается исключительно на локальный уровень. *Gouvernement* в этом контексте — это только городские власти и никакие иные.

Прежде и к отцам города Атон мог относиться с известной долей критики, но на сей раз о них он не говорит ничего плохого или почти ничего. С точки зрения современной медицины, действия властей Провена вполне оправданы. Они выявляют пути заражения и стараются перекрыть возможные каналы его распространения, обеспечив изоляцию города. Когда этого не удастся из-за нарушений режима изоляции несознательными горожанами, власти выделяют специальную зону, куда свозят больных. В 1580 году это хутор Гарла в Сен-Брисе,

Клод Атон рассказывает об эпидемиях.

в полутора километрах к северо-востоку от Провена⁵. Из текста второго отрывка ясно, что такие места есть, но Атон не указывает, где именно они находятся.

Оценив реальность угрозы, власти спешно закупают «все необходимое» и пытаются назначить «чумных докторов». Врачи обоснованно требуют высокой оплаты — по 50 экю одновременно в первый месяц работы, что чуть больше годового жалования советника президиального суда Провена. Но это оправдано, ведь помимо того, что такой врач подвергается смертельному риску, он автоматически лишается прочей практики и, следовательно, всяческих доходов.

Не вполне ясно, по какому принципу подбираются «чумные доктора». Власти делают «предложение, от которого трудно отказаться», суля большие деньги и грозя судом в случае отказа. Они также контролируют работу хирургов: так, узнав, что хирург Жан Николя вымогает с пациентов деньги, его сразу же привлекают к суду. Атон упоминает о двух дамах, которые ухаживали за больными, и их, по-видимому, тоже вознаграждали из городской казны.

Чрезвычайная ситуация требует чрезвычайных расходов, и власти вполне успешно решают эту задачу. У короля испрашивается разрешение на сбор тальи специально для покрытия затрат по случаю морового поветрия. И вновь Атон воздерживается от обычных для него ехидных замечаний в адрес королевской политики. Сбирать налог доверяют тем же людям, которые ведали раскладкой обычной королевской тальи. Расходы были возложены на всех обитателей города, вне зависимости от их привилегий. Священники и монахи не избежали налогового бремени, но на сей раз не протестовали против

⁵ Memoires de Claude Haton. T. 4. P. 311–312.

Казнь Господня...

него. У первого сословия было право прибегать к «самообложению»: в масштабах всего королевства для этой цели собиралась ассамблея духовенства. Но в данном случае сословие доверилось городским оценщикам, что, возможно, немного удивило Атона, раз он отметил это обстоятельство.

Осознав, что налоги пойдут на понятные нужды, передумали протестовать даже самые «сверхобложенные» обитатели Провена: аббат монастыря Сен-Жак и купец Жерар Жамвье, которого Атон в своих «Мемуарах» называл самым богатым буржуа.

Атон не упоминает о серьезных упущениях городских властей в борьбе с эпидемией. Но нас не может не удивить отсутствие сведений о создании похоронной команды и о выделении специального места для захоронения умерших. Согласно Атону, родственники либо относили трупы на соседнее кладбище, либо хоронили в собственном саду.

Если говорить не о властях, а о жителях, то они тоже ведут себя понятным нам способом, в целом стараясь соблюдать карантин. И только действия корыстолюбивых нарушителей изоляции приводят к первой апрельской вспышке заболеваний в 1582 году, а затем и к повторной, в конце лета. Лишь немногие горожане могут последовать знаменитому медицинскому предписанию — «Cito, longe, tarde!», быстро уехав подальше от города, чтобы вернуться как можно позже. Заразившиеся жители Провена поначалу не хотят или не догадываются сразу заявить о своей болезни. Кого-то пугает перспектива оказаться в одиночестве без всякого ухода, кому-то не хочется верить, что это не простое недомогание, а смертельная болезнь. Позже больные сами спешат за помощью к врачу и даже готовы отправиться

в чумной барак, но по возможности предпочитают лечиться дома, не без оснований опасаясь, что в месте скопления больных «плохой воздух». Именно воздух представляется если не главным источником заболевания, то важным его фактором. Богатые горожане стремятся найти за городом «хороший воздух», но, похоже, что сам Атон сомневается в действенности этих мер — то ли потому, что знает, сколько опасностей таит в себе *Plat raus*, открытая местность, в эту беспокойную эпоху, то ли потому, что считает главным источником заражения непосредственные контакты с больными или с их вещами.

Кроме диагностики мы мало что узнаём из «Мемуаров» о методах, применявшихся врачами, точнее «хирургами-цирюльниками». Они готовили некие медикаменты, по-видимому, каким-то образом обрабатывая пораженные места. Но больше узнаем о действиях Марион по прозвищу Бекетьер, вскрывавшей бубоны ланцетом, накладывавшей мази на язвы. Целительница старательно копировала действия лекарей, знакомые ей по прошлой эпидемии.

Нетрудно выделить социо-профессиональные группы, наиболее уязвимые для инфекции. Прежде всего, как и сегодня, под ударом оказываются сами врачи. В этой группе есть видимая иерархия. Медик Жан Сольсуа упомянут лишь в начале повествования. Его пригласили к заболевшему советнику Баранжону, с семейством которого он был связан узами давней дружбы и конфессиональной солидарности. В дальнейшем мы ничего не слышим о нем, однако, если бы Жан Сольсуа заболел, Атон с радостью бы сообщил об этом. Ученые медики с университетской степенью редко становились «чумными докторами».

Хирург Николя Дури, по-видимому, был старше коллег, Атон упоминал о нем еще в 1561 году, и уже тогда

Дури был женатым человеком. Автор «Мемуаров» называет его *lieutenant*, очевидно, указывая на его начальствование над «чумной командой», созданной на время эпидемии. Его компаньон, хирург Жан Табю, проживал в Верхнем городе — в «Замке». Он не хотел подвергаться риску еще в 1580 году, а два года спустя только принуждение городских властей, грозивших ему судебным преследованием, заставило его взять на себя эту опасную ношу. Он оказывал помощь своему заболевшему коллеге Дури и засвидетельствовал его смерть от тяжелой формы чумы. Выполнив возложенные на него обязанности, во время «второй волны» эпидемии он смог отказаться от роли «чумного доктора», раз Атон не упоминает больше о его судьбе. Тибо из Вильнокса, которому в 1580 году кроме денег посулили вступление в ряды корпорации хирургов Провена, умер через полтора месяца после переезда в Провен. Жан Николя, появившийся в Провене сравнительно недавно, в середине 1570-х годов⁶, и данный ему в компаньоны Пьер из Нанжи умерли, а молодой и неопытный хирург Жак, нанятый Жаном Лелонгом в Париже, заболел уже на излете эпидемии, но выздоровел. Избежать неприятностей удалось Жану Лелонгу, хирургу достаточно опытному (он вместе с Николя Дури диагностировал первое заболевание чумой в Провене в 1580 году), сумевшему найти себе замену. Из восьми хирургов-цирюльников, выполнявших обязанности «чумных докторов», четверо погибли на своем посту, один заболел, но чудом выжил, один нашел способ уклониться от своих обязанностей, двоим удалось остаться невредимыми, хотя в последнем случае приезжий хирург из Мо практически «разминулся» с эпидемией.

⁶ В 1576 г. Атон упоминает о нем как о хирурге, недавно перебравшемся в Провен из Шалостр-ла-Гранд.

Мы не знаем, каковы были правовые основания для того, чтобы принудить врачей идти к чумным больным. Скорее всего, выбор зависел от корпорации или сообщества городских хирургов-цирюльников⁷. Свидетельства Атона подтверждают наблюдения Амбруаза Паре о возможных мотивациях «чумных докторов»: ими становились по принуждению городских властей, из-за стремления заработать большие деньги, а молодые безвестные хирурги чаяли обрести славу и набраться мастерства.

Существовали еще три «группы риска», особо уязвимые для болезни. Прежде всего, как, впрочем, и сегодня, – духовенство. Священник постоянно рисковал, исповедуя, причащая и отпевая чумных больных. Монахи и регулярные каноники были уязвимы еще и из-за скученного проживания. Если горожане предпочитали лечиться дома, а не в чумном бараке, то монах из приората Сент-Айуль сам упрашивал хирурга Дури поместить его туда, куда свозят больных. Получив отказ, он нашел последний приют в садовой сторожке. Но речь идет не о каком-то уединенном убежище в тенистом саду, а всего-навсего о клуатре, месте для самоизоляции ненадежном.

Жертвами болезни, но также и виновниками ее распространения были и торговцы, передвигавшиеся по зачумленному краю и контактировавшие с заболевшими людьми и вещами, которые им принадлежали. Но в этом нет ничего для нас удивительного.

Менее ожидаемой группой риска выглядят люди, которых можно назвать сливками провенского общества, – обладатели королевских должностей, судейские, врачи. Иными словами, те, кого Атон держит под подозрением,

⁷ Это сообщество было немногочисленным. В 1577 г., по данным Атона, в Провене было три медика и пять хирургов-цирюльников.

видя в них еретиков или сочувствующих ереси. В любом случае, эти горожане были тесно связаны между собой дружескими, родственными и профессиональными узами. Люди одного круга, они не могли не наносить друг другу частые визиты, навещать больных, присутствовать на похоронах, что делало их уязвимыми для болезни.

В 1582 году эпидемия в Провене началась с двух случаев заражения — булочника Фаруэ и советника Баранжона. Но как непохожи они друг на друга! Булочник был укоренен в Нижнем городе, месте жительства купцов, ремесленников и виноградарей. Фаруэ, торгующий облатками, оказался тем самым тесно связан с приходской церковью и с приоратом Сент-Айуль, его смерть спровоцировала заражение соседей, родных, друзей, хотя и оставалась до поры, до времени событием локального масштаба. Несмотря на подозрения пронципального Атона и его товарища, понадобилось не менее десяти дней для того, чтобы дом Фаруэ привлек внимание местных медиков. Но смерть советника Баранжона в Верхнем городе — «Замке» — сразу же стала поистине ударом набатного колокола для Провена и его властей.

Отталкиваясь от этого, в сущности, не столь заметного различия в описании двух смертей, хочется далее поразмышлять в русле социальной истории Религиозных войн, усмотрев следы противостояния купеческой и чиновной элиты, которое в Провене носило еще и территориальный характер. Напомню, что, согласно одной из интерпретаций городского радикализма времен Религиозных войн, средние слои горожан были недовольны действиями местной верхушки, состоявшей из владельцев королевских финансовых и судебных должностей. Последние в случае конфликта интересов городской общины с королевской властью, заботились не о

Клод Атон рассказывает об эпидемиях.

свободах родного города, но о собственной выгоде, стремились выслужиться перед королем. Религиозные проповедники находили горячий отклик у тех горожан, которые склонны были обвинять элиту в эгоизме, недостаточном рвении в делах веры, а то и просто в измене. На смену коррумпированной верхушке должны были прийти «рьяные борцы», честные люди, искренне радевшие за веру, справедливость и за свой родной город. У Атона верность Провену и верность католической вере практически нераздельны. И поэтому упоминание о том, что люди из «круга Баранжона», проживавшие в Верхнем городе, в панике бежали прочь в поисках «чистого воздуха», может иметь дополнительную социально-окрашенную трактовку. Атон не любит «дезертиров», что видно из описания того, как вели себя старый и новый кюре прихода Шалостр: один предпочел считать себя каноником парижской церкви, другой идентифицировал себя лишь с канониками церкви святого Кириака. Одно дело получать доходы с бенефиция кюре, другое — окормлять паству зачумленного прихода.

Эпидемия, таким образом, выявляет скрытую социальную напряжённость, но одновременно укрепляет и силы солидарности, о которых в обычной жизни упоминать было и не принято.

КЛОД АТОН. МЕМУАРЫ

I
1580¹

32. Погоды стояли столь ясные и хорошие и днем и ночью, как никогда за весь год, и когда случилось землетрясение², оно весьма удивило людей, опытных в этих делах, и было оно предвестником великих бед, которым предстояло произойти во Франции и во всем христианском мире. Если бы это землетрясение случилось бы лишь в одном или двух соседних городах, то можно было счесть правдивым то, что говорят философы и в особенности Аристотель, называвший причиной землетрясений ветры, каковые, не имея возможности найти каналы выхода, пытаются вырваться из недр земли, где они оказались заключены, заставляя ее дрожать и разверзаться, прежде чем найдут путь наружу, чтобы вырваться и дуть на земле. Но поскольку в один и тот же день и час земля тряслась одновременно в местах, удаленных друг от друга на шестьдесят лье, то причиной не могли считаться ветра, но лишь кара или призыв к покаянию, ввиду Гнева Господня, который грозит Франции и всему христианскому миру, почувствовать бич гнева и ярости, сокрушением земли, предваряющему конец света и великий Суд Божий.

¹ Memoires de Claude Haton (1553–1582) / Édition integrale sous la dir. de L. Bourquin. Paris, 2007. Т. 4. Р. 302–315. Арабскими цифрами дана авторская нумерация параграфов, курсивом — маргиналии, резюмирующие содержание отрывка.

² Атон имеет в виду землетрясение 6 апреля 1580 г. с эпицентром в районе Кале. *Bellart G., Vion A. Documents sur le tremblement de terre du 6 avril 1580 // Bulletin de la commission départementale d'histoire et d'archéologie du Pas-de-Calais. 1991. Т. 12 (1986–1990). Р. 540–550.*

33. Ибо мы живем во время знамений, которые должны предшествовать Суду, как нам сказал Иисус Христос: что знаками, предшествующими концу света, станут гражданские войны из-за веры, приход лжепророков, Антихриста, мора, голода и землетрясений во многих местах. Все эти вещи мы видим происходящими в христианском мире. Более двадцати-тридцати лет назад объявились в Германии, Англии, Шотландии и во Франции, в этих королевствах и землях ложные пророки и предшественники Антихриста, они жестоко потрясли Христианский мир, вызвав свирепые войны из-за религии. В этих войнах отец выдавал сына, сын предавал и убивал отца, брат - брата. За тем последовали жестокие и бесчисленные беды - истинная жертва [Христовая] отвергнута, таинства церкви осквернены и полностью уничтожены, пророки и священники убиты и разорены, храмы ограблены и разрушены, ложных пророков и проповедников принимают хорошо и возносят высоко, истина спрятана, кривду принимают за правду. Моровые поветрия (*pestilences*) бушуют во всем христианском мире почти повсюду в прошлом году, да еще и в этом, нынешнем, происходят ужасающе сильные сотрясения земли, как было в Ферраре 1570 г. и в Туре, Орлеане, Шартре, в краю Бос, Пуатье, Блуа, Бордо, Ла Э-ан-Турень в прошлом году, в январе месяце, как мы говорили в своем месте. Небесные знаменья, являлись в христианском мире повсюду, как над городом Монпелье 157 *пробел*, над городом Женевои в 157 *пробел*³, над городом Парижем и во всем краю Шампани и Бри в 1575, и начиная с 1576 г. а также во многих других местах земли

³ О знамени над Женевои Атон рассказывал в своих «Мемуарах» под 1577 г.: *Memoires de Claude Haton*. Т. 3. Р. 466 (№153). Когда было небесное знамение над Монпелье, понять не удалось, возможно, автор упоминал о нем в тех частях рукописи, которые не сохранились.

на протяжении последних двадцати лет. Это доказывает нам, что мы близки к концу света. Господь в милосердии своем, да приведет нас к благому концу!

Чума в Париже, очень жестокая.

34. В городе Париже в месяце феврале началась болезнь, которую называли коклюшем (coqueluche)⁴, сильно мучавшую людей, заразившихся ею, из коих большая часть умирала от поноса, случавшегося с ними во время сей болезни. Но внезапно, с конца месяца февраля, заметили, что болезнь заразна и является скрытой чумой. Каковая болезнь до середины следующего марта месяца опознана была как явная чума, со всеми своими признаками и последующими осложнениями. И тогда парижане начали избегать тех, кто был ею поражен, и опасаться посещать друг друга и те места, где объявлялась эта болезнь. Она же распространялась и захватила все четыре стороны и середину города и его предместья со дня святого Иоанна Крестителя, с конца следующего июня. И продолжалась она усиливаться до начала декабря, конца этого года, но и после болезнь не кончилась и не утихомирилась. Число умерших от этой болезни превышало 60 тысяч человек. Некоторые же, опираясь на донесения квартальных комиссаров города, отмечавших умерших от той и другой болезней, доводили это число до 100 тысяч человек, что мне кажется немного завышенным, хотя город сам и является очень большим.

Более 60 тысяч человек умерли от чумы в городе и в пригородах Парижа.

⁴ Болезнь, которую мы сегодня называем коклюшем, была описана в 1579 г. Гийомом де Байю и названа «пятидневным кашлем» (*Tussis quintina*). Коклюшем тогда назывались многие болезни. Этимология этого слова не ясна. По одной из версий название болезни происходит от слова «капошон» (capeluche), поскольку какая-то из ее разновидностей считалась заболеванием головы.

35 Парижане надеялись, что со дня на день эта болезнь должна прекратиться. И потому из своих домов не забирали больных чумой – тех, кто имел достаточно средств и возможностей, чтобы за ними ухаживали, и чтобы к ним домой ходили медики и хирурги, назначенные городом для лечения таких больных. Те же, у кого средств не было или было очень мало, направлялись в Отель-Дье⁵ этого города, чтобы их врачевали и лечили хирурги этого госпиталя. Все же болезнь разрасталась все больше и больше, и посему правители и жители города принуждены были разбить палатки и шатры на манер военного лагеря за городом, и [в предместье] Сен-Жермен, по направлению к Картезианцам⁶, чтобы туда свозить больных, поскольку общий дом для этих нужд города отсутствовал.

Город Париж не имеет общего дома, чтобы туда отправлять зачумленных.

Жители Парижа, как и все студенты, клерки судов и слуги всех сословий покидают Париж по причине имеющийся там чумы.

36. Все иностранцы⁷: учащиеся коллежей как секулярных, так и монастырских⁸, судебные клерки

⁵ «Божий дом» – старейший парижский госпиталь (странноприимный дом).

⁶ Обитель монахов картезианского ордена (шартреза) в Париже располагалась к югу от ворот Сен-Мишель, в южной части современного Люксембургского сада.

⁷ В данном случае речь идет не о подданных других государств, а о жителях краев, расположенных за пределами Парижа и его окрестностей.

⁸ В Париже в это время насчитывалось 10 ученых коллегий монашеских орденов и около 60 секулярных коллегий, открытых для клириков и мирян. Таким образом, большинство иногородних студентов в Париже проживали в коллегиях (коллежах).

Парламента и Шатле и иных юрисдикций Парижа⁹, равно как и слуги купцов, покинули город, чтобы вернуться каждый в тот край, откуда прибыл. И каждым днем этого лета на дорогах не видно было никого, кроме бредущих толп клерков, студентов, и иных людей, возвращавшихся в свои края. В один из дней через Провен прошло двести таких человек, в другой день чуть меньше или чуть больше, и так почти три месяца. Не только школяры, студенты, клерки и слуги людей всех состояний покинули город, но также президенты, советники, адвокаты, прокуроры, нотариусы, сержанты, дворяне, буржуа, торговцы и ремесленники, составлявшую большую часть горожан. У них имелись фермы, метерии¹⁰ и сельские дома, чтобы туда удалиться из города, как бы далеко или близко они ни находились, или же направлялись к родным, друзьям и свойственникам, которые хотели их принять у себя в домах. В Париже остались лишь люди, у которых не было средств удалиться куда-либо.

37. Бегство указанных жителей Парижа было причиной распространения чумы во множестве городов и деревень на 20 лье вокруг Парижа, в которых они останавливались по дороге, или где они оседали, таких, как Корбей, Мелён, Санс, Мо, Ланьи, Шато-Тьерри, Монмирай-ан-Бри, Провен, Ножан-сюр-Сен, Ла-Ферте-Гоше, Вильнокс-ла-Гранд и в других местах¹¹. И что было

⁹ Клерки (писари) при больших судебных корпорациях – Парламент, Шатле (городской суд) и др. были объединены в корпорацию Базошь, это были холостяки, как правило, из бывших студентов.

¹⁰ Мелкая ферма, арендуемая, как правило, на условиях ипольной аренды.

¹¹ Атон перечисляет города, расположенные к востоку от Парижа в основном по берегам Сены и Марны. Это знакомое направление для автора, все города расположены на расстоянии двух – трех дней пути. Последние три небольших города находятся уже в непосредственной близости от родного для автора Провена.

особенно плачевно – многие умирали на дорогах без какой-либо помощи в своих бедах, и с трудом удавалось найти того, кто бы их похоронил, даже если они были хорошо одеты и имели при себе деньги.

*Король хочет принудить жителей Парижа...*¹²

38. Король, который с самого начала этой заразной болезни не уезжал из Парижа дальше Сен-Жермен-ан-Лэ, Венсенского леса, Сен-Мор-Ле-Фоссе и Фонтане-де-Мо, хотел эдиктом принудить под страхом наказания президентов¹³, советников [Парламента] и буржуа Парижа вернуться в свои дома в этом городе, в противном случае обещал разместить в них военных на постой, чтобы те проели все их имущество. Но все же этим угрозам не вняли ни парижане означенных статусов, ни все остальные.

39. Его величество собственной персоной свершил два или три выезда в Париж в течение лета этого года. Он был во Дворце¹⁴ в большой золотой комнате, держал там заседание правосудия, чтобы официально утвердить сделанные им эдикты о клерках грефье, которых он возвел в должность, о том, чтобы взимать деньги с президиальных судов и прочих судов и бальяжей Франции, и еще о некоторых иных делах¹⁵. И говорят, что король совсем не боялся и не опасался этой заразной болезни, которой он якобы не был подвержен по причине неких язв и ран, имевшихся у него на теле. Через них вытекали и выводились гуморы, обычные для определенных болезней,

¹² Издатели не смогли прочитать маргиналию.

¹³ Имеются в виду президенты палат Парламента.

¹⁴ Дворец Правосудия в Ситэ.

¹⁵ 26 июля 1580 г. в присутствии Генриха III парламент действительно зарегистрировал три эдикта, посвященные продаже должностей секретарей (грефье) королевских судов и их клерков (писарей), а также расширению персонала президиальных судов (шестидесяти королевских трибуналов среднего уровня).

коими он заболел. Все же наконец он удалился в Фонтенбло, видя, что болезнь все более продолжается в Париже и его окрестностях, и не говорил больше о том, чтобы вернуться туда самому или заставить вернуться местных жителей.

40. После св. Мартина Зимнего¹⁶ заседания судов не велись, но многие персоны как-то адвокаты, прокуроры, клерки и прочие вернулись в Париж, надеясь, что с наступлением зимы болезнь остановится. Но большая часть из тех, кто вернулся и оставался в своих домах, была поражена этой болезнью, и мало кому удалось от нее ускользнуть. Много цирюльников и хирургов, которые либо по собственной воле, либо по принуждению правосудия были назначены лечить больных, умерло. Значительная часть из них была в статусе подмастерья (compagnon), чтобы попытаться достигнуть метризы¹⁷ в своем деле в этом городе, они осмелились презреть опасность, помогая мэтрам ремесла, каковые пообещали им обеспечить получение ими метризы хирургов и цирюльников, коли они выживут.

Чума в Провене из-за парижской женщины, которая удалась в это место в дом родственников своего мужа.

¹⁶ 11 ноября.

¹⁷ Свидетельство о мастерстве, дающее право заниматься медицинской практикой и считаться членом корпорации хирургов и цирюльников. В Париже метриза хирургов и цирюльников присваивалась после экзамена и практического доказательства своих способностей. В этой процедуре участвовали самые опытные цирюльники и хирурги медицинского факультета университета и представитель королевской власти. Процедура эта была сложной и дорогостоящей. В Париже существовали две корпорации – собственно хирурги (или хирурги длинной мантии) и хирурги-цирюльники. В провинции, однако, разница между этими профессиональными группами была не столь заметной.

41. Среди жителей Парижа, которые удалились в Провен, была жена мэтра Николя Винье¹⁸, уроженца Провена, проживающего в Париже, одного из самых ученых людей во всех науках, и в особенности - в греческом языке. В его доме (в университетском квартале) от этой болезни умерло несколько пансионеров. Дабы избежать подобного, эта женщина, будучи горбатой и уродливой от природы, захотела покинуть свой дом и город Париж, чтобы дышать чистым воздухом. Для этого по разрешению мужа она велела доставить себя в Провен, в дом его родителей, и намеревалась остановиться и жить в доме Жака Жигора или Жигота, приходящегося указанному Винье племянником по своей жене. Один из сыновей этого Жигора, проживавший в Париже в доме у Винье, прибыл с этой дамой в дом своего отца, проживавшего на улице Этап о Ван¹⁹, шляпника по роду занятий – я имею в виду отца этого Жигора. В его доме и он сам, и его жена, и вся семья хорошо встретили своего сына и парижскую тетушку, каковая, как кажется, чувствовала себя наилучшим образом, насколько это было возможно при ее телесном изъяне, так же хорошо чувствовал себя и указанный сын хозяина дома.

42. Чтобы отпраздновать их благополучное прибытие, случившееся 13-го или 14-го июля, были приглашены на пир родственники, соседи и друзья указанного Жигора, числом свыше дюжины. В доме, куда приехала эта женщина, все вместе были любезны и веселились друг с другом, чтобы праздником развеять меланхолию и сделать ей приятно. Но это недолго длилось,

¹⁸ Возможно, речь идет о Николя де Винье – синдике (казначее) Парижского университета, занимавшего эту должность с 1565 по 1596 г. Синдиком избирали члена университета, как минимум имевшего степень магистра искусств и пользовавшегося уважением коллег.

¹⁹ Улица Винного склада.

ибо парижанка заболела спустя три или четыре дня после приезда, и умерла 18-го числа того же месяца июля, между шестью и семью часами вечера, в присутствии священника, которого позвали, чтобы её исповедовать, а также в присутствии находившихся рядом соседей и соседок Жигора.

43. Сразу же как она умерла, жители Провена заподозрили, что это была заразная болезнь. Они были извещены о ее скоростижной кончине колоколами церкви господина святого Айуля²⁰, звонившими по просьбе указанного Жигора, который желал похоронить ее на следующий день по-католически, с честью, следуя обычаям верных католиков, каковой и была указанная парижанка. Но внезапно по требованию правителей и жителей города, было решено прекратить колокольный звон, из опасения, что о смерти узнают жители деревень и те, кто проезжает через город. Так хотели избежать скандала и воспрепятствовать слухам о том, что в Провен пришла чума. Мэтру Николя Дури и Жану Лелонгу, цирюльникам и хирургам Провена, было приказано отправиться на осмотр мертвой женщины и доложить, умерла она от заразной болезни или нет. Что они сделали и доложили, что, по их мнению, на ней не обнаружилось никаких признаков чумы, или другой какой заразной болезни. Каковое донесение и осмотр были оплачены Жигором суммой от 20 до 24 тестонов²¹, как в вознаграждение, так и в возмещение их расходов на таверну.

²⁰ Сент-Айуль (Saint-Ayoul) – церковь в Провене, в районе Нижнего города. Возникла как святилище на могиле св. Агиульфа Буржского. С середины XI в. преобразована в приорат бенедиктинцев, в 1527 г. здание было поделено между приоратом и приходской церковью, к который был приписан Клод Атон.

²¹ 1 тестон – 14 су 6 денье, то есть от 14,5 до 17,5 ливров.

44. После того как они получили плату с Жигора, коего они успокоили тем, что не увидели никакой опасности, они сказали многим людям, что на самом деле не знают истинной причины этой смерти и что лучше было бы остерегаться посещать дом, где она умерла и не общаться с его жителями. Что стало причиной подозрений об опасности указанной смерти, вместе со слухами о болезни в Париже и со смертью еще 6 человек, умерших прежде того на протяжении месяца или шести недель, причем в двух из указанных домов умерли по два человека.

45. Первый дом, в котором началась болезнь в Провене, давшая повод для подозрений еще до смерти Парижанки, был домом Жака Приве, сына Антуана-кожевника, проживавшего близ Бурдского брода. Там на протяжении 8 или 9 дней умерли жена и служанка указанного Приве, до того обе болевшие недолгое время. Вместе с его женой и служанкой умерла еще жена Тома Базу, мать жены указанного Жака Приве, жена Клода Пислэ, золовка указанной жены Базу, и тетка жены Жака Пиве - все заболели, как полагают, нанося визиты друг другу. Тома Базу заболел сразу после смерти жены, равно как и жена Габриэля или Гаспара Било, сестра покойной жены одного Базу. Их смерти и болезни последовали на протяжении шести недель, что зародило подозрение по поводу заразной болезни, вкупе со смертью указанной Парижанки.

46. После смерти и осмотра [Парижанки] было дано распоряжение указанному Жигору закрыть свою лавку и не посещать людей. Но он не захотел выполнять это, ссылаясь на заключение указанных цирюльников, которые сказали, что смерть Парижанки наступила не от заразной болезни, и не прекращал ходить по городу, держа свой дом открытым и осуществляя свои обычные занятия шляпника.

И Жигор никак не понимал, что это за болезнь, даже после смерти одного из своих детей, который умер через четыре или пять дней после смерти указанной Парижанки. А поскольку этот ребенок возраста восьми лет был давно, уже полгода как болен, то и не подумалось Жигору, что он умер от все той же заразной болезни. К тому же, никаких внешних признаков ее не было, как и на теле Парижанки. Но если ее похоронили ночью, то указанного ребенка хоронили среди бела дня.

47. В тот же день после похорон заболели два других ребенка Жигора в возрасте десяти и двенадцати лет, которые прежде были в добром здравии и присутствовали на похоронах своего брата. И их заболевание пробудило, наконец, страхи Жигора и понимание, что болезнь является заразной. Чтобы предохраниться от нее и дышать чистым воздухом, он покинул свой дом вместе с тем сыном, который приехал из Парижа, и отправился к господину святому Гону²² в паломничество. И оттуда отвел сына в дом своей матери в Монмирай-ан-Бри,²³ в окрестностях которого она проживала. Еще до его возвращения узнали о заболевших детях, которые умерли в один день с разницей в два часа. Тогда в городе началось смятение, ибо в одном доме за тринадцать дней случилось уже четыре смерти.

48. Еще большее смятение постигло мать, оставшуюся в одиночестве управлять своими чадами и слугами, и ей самой, и им всем решением суда было запрещено выходить из дому без белого прута в руках, чтобы быть распознанными другими людьми и не

²² Saint Gond Святой Гон или Годон жил в VII в. Его мощи хранились в монастыре Сен-Пьер д'Уа в долине Марны в Шампани, примерно в 55 км к северо-востоку от Провена.

²³ Монмирай-ан-Бри находится примерно в 10 км от монастыря Сен-Пьер д'Уа и в 65 км от Провена.

смешиваться с толпой. Также ей было предписано похоронить детей ночью, а не днем. Этого сделано не было, потому что мэтр Клод Атон, священник и клирик церкви господина Святого Айуля, по слезной просьбе несчастной отчаявшейся женщины, пришел к ним между шестью и семью вечера, когда еще было светло, солнце не село и примерно триста человек смотрели на улице, как все происходит. И он придал их земле на кладбище церкви Сент-Айуль, следуя не очень далеко за телами мертвых детей и тем, кто их нес. Это был молодой парень лет двадцати, слуга родом из Лиона или из края Дофинэ, и он отнес их в две ходки одного за другим. Он сказал Атону, что не нашел у мертвых детей никакого признака болезни, тем более, что он своими руками оборачивал саваном их голые тела и видел их во время болезни.

49. Тем не менее никому из этого дома не было разрешено выходить в свет, тем более, что каждый теперь бежал от них и не хотел приближаться к дому, в котором до воскресенья седьмого августа работали слуги, пока служанка дома не заболела и на ней не появились знаки чумы, открывшиеся в паху близ живота. В следующий вторник, то есть 9 августа, была также поражена этой болезнью жена Жигора, в том же самом месте тела, что и служанка. Она уже не скрывала ни своей болезни, ни болезни своей служанки.

50. Новости эти доложены были властям города, и надо было искать, куда поместить этих двух больных, чтобы за ними ухаживать. Два дня прошли прежде, чем правители города нашли выход и пришли к согласию. Некоторые считали, что надо было поместить их на стене города, примыкающей к кладбищу Сен-Николя де Провен, в доме, прежде предназначенном для чумных больных, который, однако, был заброшен, оставшись без крыши, окон, пола и дверей. Этому воспрепятствовали капитан и

генеральный лейтенант бальи города, указавшие, что хотя этот дом и был некогда предназначен для больных сей болезнью, но пользоваться им нельзя. Ввиду военных смут, происходящих во Франции, днем и ночью стража должна ходить по стенам города, на которых и размещен этот ныне разрушенный дом. Это будет слишком большой угрозой всему городу и в особенности жителям квартала у ворот Сен-Жан, которым там полагается нести ночную стражу. После слушанья и обсуждения было указано, что возле Сен-Бриса и капеллы Нотр-Дам-де-Шан имеется уединенный дом, в местечке Гарла²⁴, принадлежащий Айюлю де Сен-Жан, посыльному Санса, в котором живет бедный человек, чье хозяйство невелико, и за неимением лучшего можно разместить там указанных чумных больных. Это и было сделано на одиннадцатый день августа.

Больные чумой из Провена помещены в Гарла, чтобы там их лечили.

51. Правителям города было столь же трудно найти цирюльников, которые захотели бы пускать кровь и лечить указанных больных, сколь и найти дом, чтобы их туда поместить. Несмотря на то, что цирюльники Провена выбрали двоих из своего круга, чтобы отправиться туда, те, кого избрали, идти к больным не захотели. Один из них скрылся, а второго поместили в тюрьму, это был некий Табю, проживающий в Замке²⁵. А тот, кто скрылся, был Жан Гийемен-младший. Они воспротивились своему избранию и, обосновывая свой протест, заявили, что ни один другой цирюльник не должен быть подвержен

²⁴ Гарла (*Garlat*) — хутор или деревушка близ церкви Сен-Брис (1,5 км к северо-востоку от городских стен Провена).

²⁵ «Замком» (*Chateau*) называли Верхний город, скученный вокруг церкви Сен-Кириак. Нижний город, более населенный, где располагалась церковь Сент-Айуль, назывался просто «Город».

процедуре выбора, кроме как те, кто обследовал Парижанку и кто получил плату за свое заключение, оказавшееся, как выяснилось, лживым. Это именно они должны быть первыми подвергнуты опасности, как это было во время их вышеназванного обследования, и после того, как они отбудут свою службу в течение шести недель, по истечении этого срока предложат (другим) занять их место на такой же срок, а не иначе. И по этим пунктам они вели процесс друг против друга. И в течение этой тяжбы бедные больные женщины страдали, не получая помощи.

52. Чтобы помочь им, указанный Жигор, который, подъезжая к Провену, узнал о грустных новостях о своей жене, которая была на сносях, отправился в Вильнокс-ла-Гранд²⁶ и нашел там цирюльника по имени Мэтр Тибо, совсем молодого человека, ученика, которому он дал шесть экю, чтобы ухаживать за женой и ее служанкой и лечить их в указанном местечке Гарла близ Провена, что и было сделано. На следующий день после начала лечения женщина родила ребенка, который был крещен этим цирюльником, и примерно три часа спустя бедная женщина умерла, к великому сожалению всего города Провена, постольку она была достойной и доброжелательной ко всем. Она была похоронена за часовней Нотр-Дам-де-Шан. Ее муж очень горевал. На следующий день после похорон он забрал свою дочку, девочку в возрасте девяти лет, которая оставалась с матерью в доме до того момента, как та была увезена в Гарла, и доставил ее к своей матери. Через шесть дней девочка умерла от той же болезни на руках отца, но ему самому удалось избежать этой болезни. Служанка также выкарабкалась из своей болезни, но с большим трудом,

²⁶ Небольшой город в 10 км к востоку от Провена.

потому что чума дважды возвращалась к ней, прежде чем она исцелилась. Слуга, который хоронил двух детей, был более чем верным слугой, ибо в страшной опасности он не захотел оставить свою хозяйку, о которой он заботился столь хорошо и с такой нежностью, как если бы она была его матерью. Ухаживая за ней, он был поражен чумой и умер на пять или шесть дней позже своей хозяйки.

53. На следующий день после того, как указанные больные прибыли в Гарла, правители города нашли женщину, чтобы заботиться о них. Это была женщина, брошенная своим мужем, добрая кумушка родом из Гуэ²⁷, из семейства Полеве, проживавшая в Провене, по прозвищу Бикетьер²⁸. С ней была договоренность о ежемесячной оплате ухода за больными, что она и начала делать со своим сыном лет девяти или десяти, которого она привела с собой, но который также умер в Гарла от той же болезни. После его смерти Бикетьер велела привести к ней ее дочь в возрасте пяти или шести лет, чтобы она помогала ей и составила ей компанию и которой, как и ее матери, болезнь не причинила никакого вреда.

Цирюльник, лечивший чумных больных в Провене, умер.

54. Цирюльники Провена, ведущие судебную тяжбу с властями города, о которой было сказано выше, обратились к мэтру Тибо, цирюльнику из Вильнокса, с которым они договорились за ежемесячную плату, чтобы он находился в Гарла, чтобы заботиться о больных, там

²⁷ Гуэ (*Gouaix*) — коммуна в 10 км к югу от Провена.

²⁸ *La Bicquetière*. Точное значение прозвища мне установить не удалось. Возможно, оно связано со словом *becque* (клюв). *Becqueter* – клевать, долбить клювом, есть, отсюда – *becquetance* (еда, корм). Учитывая деятельность Марион Полеве, я бы предложил значение «кормилица», по аналогии с птицей, вкладывающей корм в раскрытые клювы своих птенцов.

содержащихся и о тех, кто мог бы прибыть из города в будущем. Принимая во внимание опасность, которой он там подвергался и чтобы лучше вознаградить его, помимо жалования, ему было обещано, что когда опасность минует, он будет принят мэтром-цирюльником и хирургом Провена, ничего за это не платя и к нему не будет предъявляться никакие другие требования. Соглашение было достигнуто, но никому не пришлось претворять его в жизнь, поскольку он умер на день Святого Михаила²⁹ в Гарла, будучи пораженным той же болезнью. Его считали развратным и похотливым, ходил слух о том, что это и стало причиной его смерти, после того, как он развратничал с указанной Бикетьер или с кем-то другим.

55. В то время, пока этот цирюльник был в Гарла, в Замке умерло два человека в домах, близких друг от друга. В первом случае никто не берегся, не понимая опасности этой болезни, тем более, что она длилась 4 дня. Но когда умер второй человек, стали подозревать, что эта та же заразная болезнь, и чтобы это узнать, мэтр Тибо был отправлен в этот дом с осмотром, и он сделал заключение, что больной умер от чумы. Однако ни с кем из тех, кто пребывал в этом доме, посещал больных и ухаживал за ними, не произошло беды. И вообще во всем городе Провене не было других домов, в которых умерли бы от чумы, кроме указанного Жигора и двух жителей Замка. Соседи Жигора, присутствующие во время кончины Парижанки и первого ребенка Жигора, не заразились, равно как и все, кто общался с ними.

56. Надо не забыть упомянуть о том, что произошло с двадцатимесячным маленьким ребенком Жигора, пока тот отсутствовал. Незадолго до того, как его жена заболела, она, по совету соседей, которые любили ее так же сильно,

²⁹ 29 сентября.

Казнь Господня...

как и ее мужа, побрила бритвой волосы этого ребенка так коротко, как это было возможно, затем, при помощи служанки и слуги, вымыла его голеньким в кипяченой горячей воде, а потом обтерла в уксусе, после чего несчастный маленький ребенок был положен на доску и вынесен на середину улицы, чтобы его забрали соседи. Одна бедная женщина с улицы Булансуа забрала его голым на этой доске и отнесла к себе домой, одела его в одежды, которые дали ей другие соседи, и кормила его вместе с собой, пытаясь спасти его от грозившей смертельной опасности, от которой он ускользнул, и с ним не случилось ничего плохого.

57. Таким образом у этого Жигора из шести детей, имевшихся у него ко времени приезда его тетки Парижанки, выжило лишь двое, самый старший и самый младший, каковым вместе с отцом удалось избежать опасности, в которой они находились. Жигор отсутствовал в своем доме и в городе Провене почти три месяца, сожалея об этом. Он надеялся вернуться туда по истечении шести недель после смерти своей жены, но вынужден был отказаться от этого из-за недовольства жителей. Его дом оставался запертым с августа месяца, когда оттуда уехала жена, до начала декабря. Дом открыла указанная Бикетьер, с которой он за шесть или семь экю договорился, что она очистит и выветрит его. Он вернулся в дом к концу декабря.

Чума в Ножане.

58. В город Ножан-сюр-Сен³⁰ эта столь заразная болезнь была занесена проезжими из Парижа, и она началась в предместье Святой Троицы, расположенной со стороны города Труа, в гостинице под знаком Трех королей, которую держал один бородач из Ножана. Люди в

³⁰ Город в 10 км к юго-востоку от Провена.

этой гостинице умирали от сей болезни один за другим, как умер и цирюльник, который их лечил. После его смерти загорелся дом в предместье Святого Лаврентия, расположенного со стороны Ля Мот Тили³¹. Дом сожгла мать цирюльника, разведя огонь и отправившись в сад выкопать деньги, которые ее сын там спрятал. Деньги происходили из указанного дома Трех королей, добытые воровством или каким-то иным способом. Мать, видя, что ее дом горит, впала в помешательство рассудка и, одетая в одну лишь рубаху, бежала из города. И о ней какое-то время не было вестей, вернулась ли она обратно в Ножан, я не знаю.

Чума в Вильноксе.

59. В Вильнокс-ла Гранд этой болезнью были затронуты один или два дома из-за пожитков, которые один из жителей Вильнокса забрал у странствующего подмастерья, умершего на дороге от этой болезни, как плату за его захоронение. Эти пожитки имели немалую стоимость, как, например, кошелек, но он стоил жизни этому алчному человеку и всему дому, в котором он проживал.

60. Одновременно в городах Монмирай-ан-Бри и Ла Ферте-Гоше³² болезнь опустошила несколько домов равно как в городе Мелёне³³. Но все же не были эти города сильно заражены, потому что в каждом из этих городов было не более трех домов, пораженных болезнью, за исключением города Мелёна, где, как все говорят, больных было много.

³¹ Крупное село в 5 км к западу от Ножана.

³² Город в 22 км к северу от Провена.

³³ Город в 18 км к западу от Парижа.

II
1582³⁴

Чума в Провене, Мелёне, Монтро и в нескольких деревнях вокруг Провена.

47. В апреле этого года [1582], в самом его начале случилась страшная болезнь, уморившая многих людей в городах и селах, и их смерть порой наступала быстрее, чем проявлялось заболевание. Одни, застигнутые ею, болели лишь двадцать четыре часа, а то и меньше, другие болели два дня и одну ночь, некоторые — две ночи и день, в зависимости от часа, когда их поражала болезнь. Другая болезнь также поражала некоторых людей, которые не умирали, но лишь повреждались в уме, трогались рассудком, становились помешанными, подобно идиотам, лишенным разума и чувств: и днем, и ночью они не могли оставаться на одном месте и не понимали, что делают и что говорят. От этой болезни умирали немногие, но по молитвам своих родственников, друзей и католической Церкви, просившей за них Бога, а также по заступничеству своих святых, быстро обретали прежнее здоровье тела и духа.

Чума в Севей-ле-Провен и в Шез-де-Шалостр-ла-Гранд, близ Ножан-сюр-Сен.

48. Как только вышеназванные болезни прекратились, заразная болезнь чумы начала проявляться в разных местах, сказываясь на пораженных ею людях; и началась эта болезнь в сем провенском краю вначале с деревень Шез-де-Шалостр-ла-Гранд близ Ножан-сюр-Сен³⁵, где умерла почти половина людей. Примерно через неделю, к восьмому дню апреля, болезнь перекинулась в деревню

³⁴ Memoires de Claude Haton. Т. 4. Р. 479–488.

³⁵ Ныне Шалотр-ла-Гранд (*Chalautre-la-Grande*) – коммуна в 13 км к юго-востоку от Провена и в 8 км от г. Ножан-сюр-Сен (*Nogent-sur-Seine*).

Сетвей в приходе Сент-Коломб³⁶, затронув ее очень сильно и немилосердно к великому несчастью жителей этих мест, оказавшихся покинутыми людьми из окрестных городов и сел. И была выставлена стража у ворот Ножана, Бре³⁷ и Провена с целью помешать уроженцам этих мест появляться в городах. Но люди из Провена не смогли обеспечить столь надежную охрану своих ворот, чтобы не пустить болезнь в город, вследствие алчности некоторых его жителей, каковые первыми поплатились за это своей жизнью, став при этом причиной смерти и ужаса других, поскольку не пожелали открыть свою тайну и заявить о постигшей их болезни.

49. Первым, кого поразила болезнь и смерть, был булочник из Провена по имени Пьер Фаруэ, проживавший в приходе Сент-Айуль, совсем рядом с большими воротами церкви и воротами приората, который примыкает к галерее менял указанного Сент-Айуля. И он сам, и его жена не захотели объявить о постигшей их беде из страха быть покинутыми другими людьми, опасаясь, что их оставят умирать без ухода. И так продолжалось четыре дня, начиная с того момента, как он был заражен, и до его смерти. В течение этих дней он не прекращал посещать других людей, ходить в церковь, пить из общественных фонтанов днем и ночью из-за сильной жажды и оправдываясь тем, что он якобы страдает от боли, потому что решил переставить в погребке тридцативедерную бочку без всякой посторонней помощи. Говорил, что боль возникла у него в животе и почках именно по этой причине, и, по его словам, ничто не мешает тому, чтобы

³⁶ Сент-Коломб (*Sainte-Colombe*) – коммуна в 5 км к юго-западу от Провена. Деревня Сетвей (*Septveilles*) включена в состав этой коммуны.

³⁷ Бре-сюр-Сен (*Bray-sur-Seine*) – городок в 18 км к юго-западу от Провена.

Казнь Господня...

общаться с ним, пить и есть с ним вместе и посещать его дом. И он продолжал выходить из дома до самого часа своей кончины, однако за два дня до смерти помешался рассудком, не понимая, что говорит, и, хотя он по-прежнему выходил из дома, все думали, что он заболел чем-то наподобие той болезни, от которой, как мы прежде говорили, трогались рассудком, но выздоравливали.

50. Он умер на девятый день мая, одетый и обутый, без какого-либо покрывала, на руках у священника, которого позвал, чтобы исповедоваться.

Этот человек был болен заразной болезнью, скрываемой его женой, и его болезнь объяснялась ею якобы тем, что он один ворочал тридцативедерную бочку в погребе и порвал себе вены, так что, по ее словам, день или два до смерти он мочился лишь кровью. Он был достойным образом похоронен на кладбище Сент-Айуль при большом стечении родственников, соседей - булочников и прочих, которые отнесли его тело и в церковь, и в могилу в сопровождении священников прихода Сент-Айуль и монахов обителей кордельеров и якобинцев. Поскольку детей у него не было, то служба в церкви была организована племянниками, его наследниками. Они же составили опись имущества при помощи королевского нотариуса, королевского сержанта, оценщика и нескольких свидетелей, среди которых были, например, кюре, викарий указанной церкви, священники, приписанные к Сент-Айуль, за исключением клириков указанной церкви по имени Клод Атон и Огюстен Пеле, священников, помогавших в этой церкви. По завершении дел никто не отказался от еды и выпивки в доме, полагая, что нет никакой опасности заразиться в этом жилище умершего.

51. Причиной того, что священники Атон и Пеле не пошли вместе с другими священниками и родственниками

умершего в его дом, было подозрение, что они могут там заразиться, поскольку знали указанного Фаруэ как прощельгу (*adventureux*), всюду ищущего свою выгоду, и еще потому, что о нем уже ходил слух, что еще до праздника святого Георгия³⁸ он ходил продавать облатки в приход Шалостр-ла-Гранд и что в деревне Шез указанного прихода Шалостр он побывал в доме, где жители, умершие от заразы, остались должны ему денег. Их пожитками он нагрузил свой сундук и увез его в Провен. Несмотря на это, все прочие люди не переставали посещать его дом, его ферму и его наследников вплоть до того момента, как через десять дней заболела его жена, умершая на пятый день своей болезни, то есть через две недели после смерти мужа.

Советник Баранжон, пораженный чумой и умерший в своем доме в Провене.

52. Тем временем на двадцатый день мая заразная болезнь поразила советника³⁹ указанного Провена, молодого человека возраста 28 лет, по имени мэтр [...] Баранжон⁴⁰, сын элю⁴¹ Баранжона, по прозвищу Хромой элю. И у него заражение было обнаружено из-за жара и чумных абсцессов, возникших на теле, как заключили медик мэтр Жан Сольсуа и хирург Николя Дури, проживающие в указанном Провене. За то, чтобы ухаживать за указанным Баранжоном, лечить его и

³⁸ 23 апреля. Это был приходской праздник, поскольку местная церковь была посвящена великомученику Георгию.

³⁹ Имеется в виду должность советника президиального суда в Провене.

⁴⁰ Клод Атон оставил здесь пустое место, не зная имени молодого советника.

⁴¹ Элю – королевский чиновник, контролирующий сбор прямых налогов. Элю Николь Баранжон в первой книге «Мемуаров» Клода Атона описывается как один из главных гугенотов Провена.

врачевать, указанные хирург и медик получили каждый по 20 экю платы еще до того, как соизволили им заняться, хотя он уже несколько дней как заболел, затем во время болезни они посетили его.

53. В том и заключалось скудное милосердие братьев в гугенотской религии, к каковым и ранее, и теперь относился указанный Дури, — соблаговолить помочь своему брату во Христе, но только за хорошие деньги. Пациент, который по желанию своего отца и за счет его средств был с юных лет вскормлен в Женеве и прошел там катехизацию, казалось, был возвращен в лоно католической церкви, как и указанный медик Сольсуа, поскольку они посещали католические храмы, слушали святую мессу, присутствовали на божественной службе и внешне старались показать, что они добрые христиане-католики. А указанный Дури и этого не делал, и после того, как несколько раз покидал католическую Церковь, он в конце концов порвал с ней окончательно: упрямец вернулся к гугенотской ереси, которую открыто и исповедовал. Вот почему я называю их братьями во Христе, всех этих еретиков — лютеран, кальвинистов, гугенотов во Франции, каковые с самого начала именно так себя и называли.

54. И все же они не спасли жизнь этому Баранжону за его деньги, ибо в двадцать второй день того же месяца мая он умер и был похоронен в своем саду несколькими женщинами и слугами, проживавшими у него, теми, кто ухаживал за ним в его болезни и у кого не было сил снести его на приходское кладбище Сен-Пьер⁴², хотя оно и находилось совсем рядом. Смерть и заражение этого человека больше напугали жителей города, чем смерть Фаруэ, тем более что самые богатые в большинстве своем

⁴² Кладбище в верхней, «аристократической», части города.

навещали его, когда он уже заболел, но признаки заражения еще не проявлялись. Как только он умер, его жена, чьей матерью была жена Жана Руа-младшего, писемоводителя Провена, была забрана из этого дома своей матерью и указанным Жаном Руа, ее отвели в дом, где жила бедная женщина по прозвищу Бикетьер, которая уже на протяжении нескольких лет ухаживала за чумными больными как в Сансе, Бре и Провене, так и в других местах; ее дом находился в Гарла, где некоторое время она ожидала, пока правители города примут какие-нибудь меры, чтобы помочь пораженным болезнью больным.

55. Адвокат по имени Ренар, родом из Сезана, и его жена, приходившаяся сестрой упомянутому Баранжону, проживавшие в доме покойного элю Баранжона, их отца, и все время общавшиеся с больным, отправились за город в принадлежащее им имение, называемое Фаро, что в окрестностях Банно⁴³, где они пробыли десять дней и где сестра покойного, жена помянутого Ренара, умерла от этой же болезни. Многие другие богатые люди, навещавшие советника Баранжона, теперь покинули дома в Провене и отправились на свои фермы в деревнях, чтобы дышать там воздухом, который они считали чистым.

56. Удивлялись, где Баранжон подцепил эту заразу, учитывая, что он не покидал ни своего дома, ни города. Одни говорили, что он якобы побывал в Мелёне, на похоронах умершей там вдовы покойного Этьена Бурдые, при жизни бывшего лейтенантом по уголовным делам в Провене⁴⁴. Но это вряд ли возможно. Другие же говорили, что его дом был заражен неким человеком из прихода Шалоостр-ла-Гранд, его виноградарем, принесшим

⁴³ Банно (*Bannost*) – ныне коммуна Банно-Вильганьон в 18 км к северо-западу от Провена.

⁴⁴ *Lieutenant crimine* – в данном случае следователь и судья по уголовным делам президиального суда.

Баранжону свою плату, что мне кажется более правдоподобным.

57. Через три дня после смерти Баранжона умерла жена названного Пьера Фаруэ. Она умерла в своем доме, покинутая всеми, за исключением Пьера Бройона-старшего и его жены, сестры Фаруэ. Умершая была осмотрена лишь издали медиками и хирургами, не захотевшими к ней слишком приближаться, и для этого она была вынесена мертвой из дома прямо на улицу. И осмотрев ее совсем голой со всех сторон, спереди и сзади, они заметили фистулы на бедрах и чреслах, что они и назвали признаками заражения, и не сказав ничего другого собравшейся по меньшей мере сотне людей, приказали, чтобы ее поскорее похоронили, что и было сделано. На следующий день той же болезнью оказались поражены два наследника покойной Фаруэ, а также Эдме Дедуаен по прозвищу Бурлье⁴⁵, ее сосед, — все умерли. Почти все наследники Фаруэ, числом девять человек, были заражены этой болезнью, и трое из них умерли в течение недели.

58. За десять дней зараза распространилась по всему Провену, так что сильно зараженными оказались, по меньшей мере, шесть домов и даже приорат Сент-Айуль, в котором от этой болезни умер брат Аньян Мартен, кантор указанного приората.

59. Власти города, увидев общую опасность, со всей поспешностью стали запастись необходимыми вещами для ухода за больными, как уже заболевшими, так и теми, чья болезнь воспоследует. И сделали так, чтобы выплатить Николя Дури, вышеупомянутому хирургу и цирюльнику, 60 экю в месяц, и был составлен контракт на эту сумму между ним и властями города, чтобы он оказывал услуги, а

⁴⁵ Bourlier – возможно образовано от bourrelier – шорник, изготавливающий постромки и вожжи.

город выплачивал бы деньги. После того как соглашение было заключено и контракт подписан, Дури отказался посещать и лечить больных этой заразной болезнью, пока власти не выделят ему в помощь еще одного мэтра-цирюльника, что они вынуждены были сделать за такие же деньги. И ему отрядили мэтра [...] Табю, проживавшего в Замке⁴⁶, и вынудили его [согласиться] по суду. Но и после этого Дури не захотел идти туда, где находились больные, хотя он и его компаньон получили деньги за два месяца, в конце которых они рассчитывали получить столько же, что на каждого составило бы по 120 экю, причем за эту сумму они собирались служить городу не дольше трех месяцев. Стоит согласиться со словами этого милосердного гугенота, похвалявшегося тем, что он сделает наименьшее из того, что сможет для больных, которым суждено заболеть этой болезнью.

60. Во время его препирательства с властями города случилось так, что монах из приората Сент-Айуль был поражен тем же недугом. Увидев у себя признаки болезни и прослышав, что Дури нанят для лечения больных, он отправился к его дому в пятницу накануне Пятидесятницы, первого июня, чтобы рассказать, какая беда с ним приключилась и просить об уходе и лечении в том месте, где тот соизволит находиться. Но услышав его речи, Дури стал смеяться над ним, сказав ему следующее: «Идите, месье, идите петь вашу мессу и запаситесь соломой и сеном, коли у вас этого пока недостаточно, для питания и ухода за вашими жеребчиками (*poullains*)». И не получив иного ответа, монах скончался в маленькой сторожке в саду приората Сент-Айуль в следующий понедельник, четвертого июня. Этим был весьма опозорен гугенот Дури,

⁴⁶ Замок (*Chateau*) – так назывался район Провена, образующий Верхний город.

Казнь Господня...

вызвав всеобщее презрение. Но на упреки он отвечал, что хотел бы, чтобы со всеми монахами, священниками и папистами Провена, т.е. с католиками, случилось то же, что и с этим монахом.

Смерть мэтра Николя Дури, лейтенанта цирюльников и хирургов⁴⁷ Провена.

61. Все же, получив деньги от города за два месяца, отправился он со своим компаньоном в те места, где уже было несколько больных, ожидавших милосердия Божия и помощи от этого добродетельного гугенота. Но он ими не занимался и десяти дней, а заплатили ему той же монетой, и получил он столько жеребчиков, сколько, по его словам, имел монах. За оскорбление, нанесенное монаху указанным Дури, Бог послал возмездие и не разрешил ему жить дольше, дабы он умер смертью, подобно монаху и прочим людям, которым он не захотел протянуть руку помощи. Дури, как только заболел, не мог принять никаких лекарств и снадобий, которые составлял и приготавливал ему медик, его брат во Христе и в религии, и болезнь становилась все хуже и хуже, таким образом умер гугенот, упорствующий в своей ложной религии на двадцатый или двадцать первый день [июня] того же года. Его тело в разных местах имело восемь шишек и очагов пестиленции, наименее излечимых из всех возможных, как их описал его компаньон Табю. Смерть этого несчастного отверженного вызвала радость всех жителей Провена, поскольку город очистился смертью столь упрямого и явного гугенота. Ибо Провен имел лишь одного такого гугенота, как он, совсем переставшего ходить с католиками на богослужение в церкви и получать таинства, как все католики. И сочли в Провене, что его

⁴⁷ *Lieutenant de barbiers et chirurgiens* – формально такой должности не существовало, имеется в виду старшинство Николя Дури в «чумной команде».

смерть в большей степени, чем все прочие, явилась карой Господней, особенно если учесть, что опыт, которым он обладал, был достаточен для того, чтобы уберечься от заразной болезни.

62. После смерти этого Дури чумная зараза в Провене быстро прекратилась, продлившись чуть более двух месяцев. Горожане решили, что они расквитались с ней и отпустили цирюльника Табю после того, как он отслужил свои три месяца, в течение которых, слава Богу, заболевших и умерших не набралось и дюжины. Город был бы в еще лучшем состоянии, если бы не корыстолюбие некоторых жителей: в силу своей алчности и стремления к наживе, воспользовавшись хорошими ценами, они торговали с жителями деревень Сетвей, Куртон в приходе Сен-Лу⁴⁸, Сессуа, прихода Мон в Монтуа⁴⁹, Монтро-Фот-Йон⁵⁰ и других местах, где была распространена эта болезнь.

Два цирюльника, назначенные лечить больных чумой, умерли, ухаживая за больными.

63. По этой причине зараза в Провене возобновилась к середине августа и не утихала вплоть до февраля следующего года как в Городе, так и в Замке. Всего умерло от этой болезни до двухсот десяти человек. Среди них были мэтр Жан Никола и Пьер [...], хирурги и цирюльники. Никола был из города Провена, Пьер [...] — из бурга Нанжи, каковой прибыл в Провен, надеясь подзаработать. Каждому из них город выдал по 50 экю в

⁴⁸ Ныне Сен-Лу-де-Но (*Saint-Loup-de-Naud*) – коммуна в 5 км к юго-западу от Провена, входящую в нее деревню Куртон с деревней Сетвей разделяет р. Вулзи.

⁴⁹ Ныне Мон-ан-Монтуа (*Mons-en-Montois*) – коммуна в 15 км к юго-западу от Провена.

⁵⁰ Монтро-Фот-Йонн (*Montereau-Fault-Yonne*) – город, расположенный на слиянии рек Сены и Йонны в 30 км к юго-западу от Провена.

Казнь Господня...

месяц на двухмесячный срок, что составляло по сто экю на двоих ежемесячно. Этот Жан Николя показал себя довольно плохо в своей должности и проявлял мало милосердия по отношению к больным: о нем рассказывали, что он не хотел ни лечить, ни ухаживать, если ему не платили денег, причем весьма щедро.

Он был обвинен в вымогательстве, и дело бы обернулось для него скверно, если бы смерть не освободила его от преследования, так как городские власти имели желание наказать его по суду, убедив судей в вымогательстве с его стороны. Он был скорее высокомерен, чем опытен и столь же жаден, сколь и честолюбив. Да простит его Бог! Его компаньон мэтр Пьер, прибывший из Нанжи, некоторое время пребывал в одиночестве, ожидая, что мэтры-цирюльники выберут кого-нибудь, чтобы отрядить ему в помощь.

64. И был ими избран мэтр Жан Лелонг из указанного Провена, каковой, желая уклониться от этого, отправился в Париж, нашел там человека, привез с собой и представил его городским властям, и те наняли его за ту же плату, что получали покойные. И звался он мэтр Жак [...], молодой холостяк, как говорят, в возрасте 24-25 лет, у которого не было такого опыта работы с больными, как у мэтра Пьера из Нанжи, который вскоре умер, оставив его в одиночестве.

65. Мэтр Жак выказывал расположение и учтивость ко всем людям, как к больным, так и к здоровым, и о нем пошла хорошая молва и добрая слава в Провене. Его очень ценили за его искусство. Он давал советы больным, которые имели возможность оставаться в своих домах, чтобы не отправляться в специально отведенные места, где находились прочие больные, говоря, что воздух там слишком отравлен, что было правдой. И по велению сердца он ежедневно ходил дважды в день, посещал и лечил больных на дому и довольствовался лишь благодарностью

тех, о ком всячески заботился. И почти месяц он работал один, без компаньона или мэтра того же статуса и не просил бы никого в помощь, если бы сам не заболел, но, по милости Господней и по молитвам всех провенцев, быстро вылез, и к нему вернулось здоровье. Цирюльник-хирург из Мо, явившийся в Провен, был дан ему в коадьюторы⁵¹ за счет города, который, впрочем, невысоко оценил его труды, т.к. по милости Божьей болезнь завершилась так же внезапно, как и началась.

Талья на жителей Провена для покрытия расходов по причине чумы.

66. Чтобы покрыть расходы, которые требовались по причине заразы, с разрешения короля, полученного прокурором и эшевенами Провена, на жителей города была наложена талья. Эта талья была разверстана на всех – как на освобожденных, так и на не освобожденных от налогов, включая людей церкви, клириков взятых [в целом, а] не по отдельности, кроме тех, чье имущество располагалось за пределами территории общины [Провена], таких, например, как аббат монастыря Сен-Жак, приоры Сент-Айуля, Сент-Круа и Сурдена, каждого из которых обложили по отдельности, поскольку они имели бенефиции вне общины. На остальных людей церкви разверстка была общей, а не по отдельности, то есть каноники церковью Провена платили в зависимости от оценки доходов каждого капитула. Капитул Нотр-Дам-дю-Валь был обложен в сорок эю и более, капитул Сен-

⁵¹ Кoadьютор – помощник епископа, назначаемый ему властями, назначаемый папой в определенную епархию для осуществления епископских функций наряду с действующим епархиальным епископом. Атон либо иронизирует, используя «высокий» стиль в рассказе о городских лекарях, либо бесхитростно использует знакомую ему церковную терминологию для обозначения сугубо светский реалий.

Кириак – в пятьдесят эю и более, капитул Сен-Николя – от двенадцати до пятнадцати эю, капелланы Сен-Блеза – от шести до семи эю, община капелланов Нотр-Дам-дю-Валь – в пять эю, община капелланов Сен-Кириака – в пять и две трети эю, кюре и клирики, приписанные к приходам в общем порядке, были обложены в каждом приходе суммой по 100 турецких су.

67. И были вышеназванные оценки сделаны сборщиками⁵² тальи по каждому приходу Провена, раскладывавшими обычную годовую талью по королевскому поручению. Люди церкви не захотели избирать никого из своей среды, чтобы выполнить разверстку взносов, сделанных ими в общем порядке, что составляло пятую часть от той тысячи эю, до которой доходил размер тальи, наложенный на городскую корпорацию, простолюдинов и обывателей. Аббат Сен-Жака хотел опротестовать размер своей квоты в 50 или 60 ливров, как и Жирар Жамвье, буржуа города, который также был разверстан платить 50 эю. Но в итоге, увидев, что эти деньги идут на благочестивые нужды и благотворительность, выплатили свои квоты.

Число умерших в Сетвейе от заразной чумной болезни.

68. Указанная зараза бушевала в Провене до февраля 1583 г., прежде чем полностью уняться, хотя уже с первого дня ноября до февраля следующего года людей умирало немного. Жителям Сетвейя, прихода Сент-Коломб-Ле-Провен, не удалось так хорошо расквитаться с этой болезнью, как жителям Провена, ибо как в Верхнем, так и в Нижнем Стевейе, начиная с апреля вплоть до праздника святого Андрея⁵³ умерло сто шестьдесят человек старых и

⁵² *Assieteurs* – оценщики *assiettefiscal* («фискальной раскладки»), т.е. общей суммы, с которой исчисляется тот или иной налог или сбор.

⁵³ 30 ноября.

малых, и лишь сорок пять человек в Сетвейе не погибли. Из заразившихся во время эпидемии выжить там удалось по большей части женщинам, а не мужчинам. У них не было ни цирюльников, ни хирургов, чтобы оказать помощь, так что они лечились сами, как могли.

69. Некоторые вверяли себя рукам и милосердию женщины, которая была родом из прихода Гуэ, по имени Марион Полеве и по присвоенному ей прозвищу – Бикетьер, каковая помогала так, как понимала по собственному разумению, и некоторых вылечила. Она давно имела некоторый опыт в обхождении с этой заразной болезнью, поскольку за несколько лет до того ей поручали ухаживать за больными подобной же хворью в Сансе, Бре и Провене, где она обучилась способам, чтобы противостоять этой болезни. Она бралась врачевать приходивших к ней больных, изготавливала для них мази и накладывала на язвы, которые прокалывала ланцетами, иглами и прочими металлическими инструментами. И эта женщина избежала опасности, никакая болезнь не причинила ей вреда настолько, чтобы с ней произошло какое-либо зло. Она была бедна земным имуществом и якобы имела пятно на своей чести, но это не помешало ей найти счастье в браке и выйти замуж за сукновала Шастеро, за которым она ухаживала во время этой болезни, и потом завести с ним хорошее хозяйство. В прошлые годы она помогала больным той же болезнью в городе Провене, как это делали две местные дамы в этом году. Но из-за плохого с ней обращения и не получив оплаты, она не захотела помогать тем, кто тогда же болел в Провене.

70. Кюре местечка Сетвей-э-Сент-Коломб, который был из пикардийцев⁵⁴ и звался мэтр Бризебар, проживал в этом же приходе. Видя, что болезнь продолжается, он

⁵⁴ Буквально – «принадлежал к пикардийской нации».

договорился с мэтром Жеромом Сажо, священником того же прихода, чтобы тот вел службы в церкви и окормлял прихожан, а сам укрылся в Париже, откуда он был родом и где имел пребенду в церкви Сент-Оппортюн; с тех пор он никогда не возвращался туда, где являлся кюре. В компенсацию он принял капеллу, которую ему передал Антуан Нанно, каноник церкви Сен-Кириак. Указанный мэтр Жером Сажо, викарий, узнав, что Бризебар, от которого он получил обязанности кюре, уже передал это свое место, решил покинуть сей приход. Но он не мог этого сделать, поскольку Нано, новый кюре, не хотел вступать во владение [приходом] во время заразы и отрицал, что он там служит. Вот почему Сажо продолжал службы в этом приходе, и он, набравшись смелости и надежды на Бога, сам не заболел, исповедовал всех, кто был заражен, – как тех, кто позже умер, так и тех, кто выжил. За это его повсюду расхваливали. Он нес службу кюре до февраля следующего года, после чего отправился в путешествие в Иерусалим с другими провенскими клириками, о чем мы расскажем под следующим годом⁵⁵.

Виноградники остаются необранными в Сетвейе и в Сессуа, приходе Монс в Монтуа.

71. В Сетвейе бедствие, вызванное этой заразной болезнью, было столь велико, что хороший урожай, который дали виноградники, оставался почти не собранным в этом приходе, равно как и в деревне Сессуа, приходе Мон в Монтуа-Ле-Доннмари, где эта болезнь была такой же или еще сильнее, чем в Сетвейе.

⁵⁵ Мы так и не узнаем о том, что это было за паломничество, поскольку рукопись Атона обрывается, дойдя до конца 1582 г.